

Р. Г. Жамсаранова

ЯВЛЕНИЯ КОНВЕРГЕНЦИИ И ТРАНСФЕРЕНЦИИ В ЛЕКСИКЕ БУРЯТСКОГО И СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКОВ

На обширном лексическом материале разных классов бурятского и селькупского языков представлены примеры лексико-семантических параллелей в аспекте сравнительно-сопоставительного анализа. Выявленные примеры типологически схожих языковых единиц языков, традиционно относящихся к разным языковым семьям, позволяют предположить о проявлении лингвистических явлений трансференции и конвергенции, обусловленных диахронным ареально-языковым союзом в пределах исследуемого региона.

Ключевые слова: лексико-семантические параллели, типология, трансференция, конвергенция, ареально-языковой союз, изоглоссы.

Статья посвящена вопросам лексического и семантического соотношения двух неродственных языков – бурятского и селькупского. Эти языки традиционно относятся к разным языковым семьям – селькупский язык к уральской, бурятский – к алтайской. Споры по поводу наличия некогда единой урало-алтайской языковой семьи пока не получили однозначного разрешения. Языковые исследования как отдельного регионального пространства, так и лексического фонда этих языков позволяют нам заявить о возможности межъязыковых связей и контактов каких-то отдельных языков этих языковых семей, произошедших в весьма отдаленное время, но на конкретной территории и отразившихся на региональном языковом материале.

Так, сравнительно-сопоставительный анализ терминов родства бурятского и селькупского языков, обнаруживший лексико-семантические параллели [1], обусловил обращение к другим слоям лексики этих языков. Прослежено материальное единство и в отношении лексики, представленной категориями имен существительных, местоимений, служебных слов и глаголов как с конкретной семантикой действия и состояния, так и с абстрактными значениями [2].

Так, к лексико-семантической группе категории имен существительных «Предметы. Вещи. Явления» можно отнести следующие слова бурятского языка, которые имеют явное сходство с таковыми селькупского языка: бур. *алха/алхаса/алхам* ‘шаг, поступь; походка’ / сельк. ал ‘шаг’; бур. *архи/арака* ‘молочная водка, тарасун; водка; вино’ / сельк. арагга~ араңка~ араңга ‘вино; водка (<тюрк.)’; бур. *булсуу* ‘наконечник, головка (стрелы); набалдашник; шишка’ < *булхар* ‘круглый, округлый; надутый’ < *булхагар* ‘выпуклый; вздутый, пухлый’ / сельк. пулсай ~ пулхай ‘колени; колени’; бур. *бур* ‘ил; топь; глина’ < *буртай* ‘тинистый, илистый;

покрытый илом; топкий’ / *буланхайр* (зап.) ‘муть, грязь; ил, тина; мутный, грязный; илистый, тинистый (о воде)’ / сельк. пурыльжа ‘заводь’; бур. *мойһон* ‘черемуха’ / сельк. мўге/мукечи/мукко ‘черемуха (дерево)’; бур. *мунгэ(н)* ‘серебро; деньги’ / сельк. мунг ~ мюңг ‘целковый, рубль’¹; бур. *нэрэ* ‘имя’ / сельк. нэв~ нэу ‘имя’; бур. *үтэг* «утук» ‘усадыба (жилище с огороженным покосом при нем)’, *үтэг бууса/отог* ‘стойбище’ / сельк. эт ~эд ~этты ‘деревня’; бур. *үдэшин, үдэшэнэй, үдэшин* ‘вечерний, вечер’, *үдэшэ* ‘вечером’, *үдэшэрхэ* ‘вечереть’, *үдэшэндөө* ‘в течение вечера’ / сельк. үдэ ‘вечер, вечером’; үдэшпэгу ‘вечереть’; бур. *эртэ* ‘рано, ранний’ / сельк. эртэ ‘рано’; бур. *шабар/шавар* ‘грязь’/сельк. чэв/чав ‘грязь’; бур. *шан, мун шан* (устар.) ‘суть, сущность, соль (перенос.)’, *шанар* ‘качество’, *санаар* (устар.) ‘обет’, *санаар сахилга* ‘культ (религ.)’, *санаартай* (устар.) ‘принявший на себя обет’, *сан(э)* (устар., религ.) ‘(вос)курение, ладан, шандааһа(н) ‘сухожилия на задних ногах; (перенос.) выносливость; мускулы, мышцы’, *шандааһа бэе* ‘сила, здоровье’, *шэнээ(н)* ‘сила’ / сельк. шан ~ саң ‘сила (жизнь; шаман)’; бур. *шагай (шагэ)* ‘лодыжка, щиколотка; бабка (игральная кость)’ / сельк. шакка ~ шака ‘копыто’; бур. *шэбэр һабир, һабир шэбэр* (парн.) ‘шепотом, украдкой, тайком’, *шэбэр һабир гэхэ* ‘шептать’ / сельк. ыбэр ‘шёпот’; бур. *эрэ (хүн)* ‘мужчина, муж’; ‘перед названиями животных для обозначения мужского пола, самца’ *эрэ нохой* ‘кобель’ / сельк. эра ~ ира ‘старик’; бур. *отхон (хубүүн)* ‘младший (любимый) сын’ / сельк. өтчите~өчече~өтчога~өчега~өтчэ~өчте ‘мальчик, парень, юноша, ребенок, дитя, маленький’ и т. д.

Среди класса имен прилагательных бурятского и селькупского языков также обнаружили лексико-семантические сходства: бур. *амтатай* ‘вкусный; лакомый; сладкий, приятный’ / сельк. амдитий ‘пищевой; съедобный’; бур. *буурал* ‘седой; пе-

¹ Не исключая, впрочем, и факта заимствования.

пельный; чалый (о масти) / сельк. бурай ‘бурый’; бур. эмэ ‘женщина; для обозначения всего женского/относящегося к женщине’ / сельк. имей/иметий ‘женский’; бур. мөндүү/мэгдүү ‘суетливый, торопливый; встревоженный, растерянный; панический’ / сельк. мендей ‘старый; дряхлый’; бур. мэльгэн ‘гладкий, блестящий’; мылигыр ‘гладкий; ровный; покатый’ / сельк. мыли ‘гладкий’; бур. танил ‘знакомый; узнаваемый’ / сельк. тәндүл ‘знакомый’; бур. тэнэг/тәнюун ‘глупый; спокойный, уравновешенный’ / сельк. тәнгэди ‘глупый’; бур. шэнэ ‘новый; свежий’ / сельк. шанд ~шант ~шандэ ‘новый; молодой; свежий’; бур. элүүр ‘здоровый; здравый; трезвый; здоровье’ / сельк. эла ‘живой; здоровый’.

Также вероятны лексико-семантические сопоставления и в грамматической категории глагольных форм: бур. адаха ‘напарываться, наткаться; обрезать’/сельк. адыгу ‘уколоть’/ адгу ‘наколоть’; бур. алхаха ‘шагать, ступать; перешагивать, переступать’/сельк. ажэлгу ‘шагнуть, перешагнуть’/ алку ‘перелезть’; бур. ангайха ‘раскрываться, открываться; зиять’/ сельк. ангэлгу ‘зевать’; бур. аргамжалха ‘привязывать, прикреплять веревкой; связывать’/ сельк. аргу/сāргу/харгу ‘привязывать’; бур. бурыха ‘клокотать, бурлить’/бурьялха ‘бурлить, клокотать; пениться, переливаться через край’/ сельк. пүрыгу ‘бурлить, пениться’; бур. бүлсыхэ ‘опухать (о глазах); надуваться’/сельк. пулогу/пулгу ‘опухнуть’; бур. бүлтылгэхэ/бэлтыхэ ‘быть выпученными (о глазах)’/ сельк. пылгалжэгу ‘выпучить (глаза)’; бур. жажалха ‘жевать, разжевывать’/сельк. ажугу ~ ажэгу ‘откусить, надкусить; укусить’; /сельк. туттолгу ‘жевать; сгрызть’/туттыгу ‘жевать’; бур. тармаха ‘грести, сгребать (сено)’/сельк. арму ~ару ‘связка; сноп’; бур. тарааха ‘распускать; закрывать; разбрасывать, раскидывать; рассеивать; распространять, раздавать’/сельк. тороко ‘поделить’; бур. тәһэлхэ ‘выбивать; выкалывать; раздавливать’/ сельк. тэгылгу ‘надавить; нажать’; бур. унтаха ‘спать’/унтуулха ‘усыплять’/сельк. қондуко/қондугу ‘спать; лечь спать; уложить спать’; бур. эбхэхэ ‘свертывать, складывать; сматывать (веревку, напр.)’/ сельк. эпқылгу/эпқолгу ‘сжать; зажать; сдавить; прищемить’; бур. эрхэхэ ‘кружиться; обходить кругом; объезжать; обходить, делать обход (больных); объезжать свой скот (чтобы проверить)’/ сельк. эримбыгу ‘поберечь’; бур. жалжылгаха допуст. от жалжыха ‘быть кривым (или кривобоким); неровно (или криво) ступать или ходить; стаптывать (обувь)’/сельк. чяльжугу/чальчёлгу/чяльжёлгу ‘растоптать, стоптать обувь’; бур. хазаха ‘кусать, откусывать; кусаться’/сельк. хаччэку ‘кусать’; бур. халтирха ‘поскальзываться; скользить; кататься на санках’/сельк. қальдерқо ~қальтырықо ‘ходить; бродить; бегать’; бур. хааха

‘закрывать, затворять; запирать; преграждать’ / сельк. қайегу/қайгу ‘накрыть; закрыть’.

На примере приведенных лексических параллелей бурятского и селькупского языков, которые не всегда идентичны в семантическом плане, обнаруживая при этом иногда и лексическое различие, обусловленное фонологическими особенностями языков, возможно заявить о диахронном языковом союзе каких-то из урало-алтайских языков на территории исторической Даурии. Подобные лексические параллели могли возникнуть в результате как языковых контактов, так и общего происхождения.

Отдельный интерес представляет типологическое сходство в системе местных географических терминов, ставших апеллятивной базовой лексикой для формирования самодийского топонимического субстрата в топонимии Восточного Забайкалья. Самодийская географическая терминология оронимического характера представлена терминами *калжэ-кальжэ* /кет. д./ ‘кочка; топкое место с кочками’; *калжэзан* ‘согра (сырое топкое место, поросшее лесом, с кочками)’, которые лексически и семантически аналогичны таковым тунгусо-маньчжурского происхождения: манчж. *хәлчи-хали* ‘болото (травянистое, трясина), эвенкийскому *калген*, эвенскому *калтаку-халтаку*. Все эти термины лежат в основе топонимов, семантика которых выражает понятие низменных, сырых мест. При этом следует сразу оговорить, что собственно эвенкийские названия в Забайкалье зафиксированы только в северной и северо-восточной частях региона, тогда как эвенские топонимы распространены повсеместно наряду с самодийскими.

По данным полевых экспедиций последних лет отмечено функционирование субстратной географической терминологии в региональном говоре. Так, в Нерчинском районе по р. Урульге сырые, низменные места называют словом *кажал* ‘болотистое место, кочкарник, место, где даже местами мох растет’ [3]. В селе Манкечур Александрово-Заводского района в 2009 г. зафиксирован термин *каженка*, синонимичный термину *падь* или забайкальскому слову *падушка*. Под этим термином, как объяснили нам в селе, понимают падушку или распадок, которые бывают в засушливые годы сырыми из-за стекающих с возвышенностей ручьев и рек. В этом же селе информанты дали название одной из падей – п. Кэжанка, т. е. падь Падь [4].

Помимо терминов *кажал* и *каженка*, обнаружившихся в местной географической терминологии, в региональной системе географических названий функционируют топонимы типа *руч. Калтусный* – л. пр. р. *Середянка*, ур. *Калукан*, *руч. Култусный* – л. пр. р. *Уров*, р. *Кулукша* – л. пр. р. *Нижняя Борзя*, в которых топооснова онимов имеет отапеллятивное происхождение от *калтус*.

В «Словаре русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова бытует термин *калтус* ‘болотистое место, болото; кочковатый, сырой луг’ [5]. Производными от этого термина считаются выражения «калтусное сено, калтусина – сено, накошенное на калтусе». Топонимов, образованных от этого термина в Забайкалье, меньше в частотном отношении, нежели от сельк. *калжэ-кальжэ*, как и от маньчж. *хялчи-хали*.

Термин *калтус* в качестве регионализма (но совсем не диалектизма!) имеет, по-видимому, лексико-семантическую параллель с сельк. *кал’джэ* ‘топкое, кочковатое место с древесной растительностью’. В свою очередь термины *калтус*, *кал’джэ*, *кальжэ*, *калжэзан*, так же как и тунгусо-маньчжурские термины *калген*, *калтаку-халтаку*, *хялчи-хали*, могут оказаться производными от термина *калжэ-кальжэ* /кет. д./ ‘кочка; топкое место с кочками’. В лексике тофаларского языка термин *kultus* ‘место в тайге, где под мхом имеется рыхлый слой, состоящий из корешков и перегноя, под которым бежит вода’ В. И. Рассадина относит к лексике нетюрского, неизвестного происхождения [6, с. 90].

Местный географический термин *тиникус*, обозначающий процесс подъема в гору, «восхождение в гору, в сопку», имеет повсеместное распространение в Борз., Ал.-Зав., Нерч.-Зав., Газ.-Зав., Нерч., Срет. и других районах Забайкалья [7]. Слово *тиникус/меникус* со значением «подъем в гору; дорога, идущая в гору» имеет фиксацию в «Словаре русских говоров Забайкалья» Элиасова. Этим термином в среде старожильского русскоязычного населения обозначается дорога или отрезок пути на долгий, затяжной и высокий перевал. Встречалось нам и образное семантическое понятие долгого подъема на гору или перевал с несколько юмористическим оттенком – «тещин язык»: «*Тиникус* – это как тещин язык, длинный и опасный» [8]. В Борзинском районе записано значение термина *тиникус* как «таежная тропа в гору» [9]. Обращает внимание семантическое единообразие термина, обозначающего подъем в гору, возвышенное место.

Этимологический анализ термина *тиникус* позволяет сопоставить это слово с ненецким *таң* ‘подъем’ [10], *танабць’(н)* ‘подъем в гору’ [11]. Как видно, термин *тиникус*, имеющий фиксацию более позднего времени в местных русских говорах в сравнении с лексемой *тиникус/меникус* Л. Е. Элиасова, которое было записано гораздо ранее, имеет явно выраженное влияние русского языка, отразившееся в изменении корневой гласной -а- в -и-. Морфемное -гус диалектного *тиникус/меникус/тиникус* могло образоваться в русском говоре от ненецкого ауслаутного -ң или -бць’(н) слов *таң* и

танабць’(н) ‘подъем в гору’. Однако предположить участие или посредство некоего языка, не исключая и селькупского, представляется более корректным.

В селькупском диалектном присутствует лексема *йгу* ‘тащить, волочить’ [12, с. 262]. С этой лексической основой в селькупском много таких слов, как *вэдигу* /кет. д./ ‘поднять, подняться’; *тючеугу* ‘спуститься’; *тютёугу*; *тютёлгу* ‘слезть; спуститься’; *тюгу* ‘прийти’ и проч. Не исключено, что слово, лексически тождественное селькупскому *йгу* ‘тащить, волочить’, могло некогда присутствовать и в северно-самодийских языках. В случае этого регионализм *тиникус* может иметь общесамодийское происхождение, как производное от ненецкого *таң* и селькупского *йгу* ‘тащить, волочить’, «оставшееся» в виде регионализма *тиникус/меникус*.

Об объективной возможности наших рассуждений на предмет сопоставления, например, регионального *тиникус/меникус/тиникус* с самодийскими географическими терминами могут свидетельствовать данные полевых материалов 2010 г. Так, в одном из сел Шелопугинского района старожил села М. Г. Кутузова сообщила, что ее дед А. П. Кутузов (1865 г. р.) употреблял в своей речи слово *ватьтигу*, объясняя внучке дорогу за ягодой («ты ватьтигу-то не ходи, а ходи сюда») [13]. М. Г. Кутузова утверждает, что все ее предки имеют тунгусское происхождение.

В селькупском словаре с корневым *вать-/вачь-* имеется целый ряд лексем: *ватьтигу* ‘подняться’; *вачьегу/вачьюгу* ‘поднять’; *воску/важгу* ‘подняться’; *вэтты* ‘дорога’; *вэссыгу* ‘встать, подняться’. Не исключено, что забайкальский регионализм *тиникус* имеет в своей структуре селькупское -тигу в значении ‘подняться’.

Отдельного внимания требует корневое *вать-/вачь-* селькупского диалектного, которое, предположительно, может иметь параллели с языками алтайской семьи. Подобный селькупскому *вать-/вачь* «тунгусский» термин *вочи/воцзи* упоминается Н. Я. Бичуриным: «...наибольшая часть земель в Маньчжурии состоит из возвышенностей, известных под общим тунгусским названием *вочи/воцзи*, что значит хребет, покрытый дремучим лесом, у нас – бор...» [14, с. 225].

В эвенкийском языке, по данным Г. М. Василевич, апеллятивное *бошо/босого/бохого* обозначает ‘склон, обращенный к северу’. Синонимичным этим апеллятивам может быть диалектное *бучекты*, означающее ‘возвышение; холмик’ [15]. В словаре Б. В. Болдырева *босого* – ‘склон горы’ [16]. Лексико-семантический и сопоставительный анализ всех этих лексем позволяет предположить, что и эвенкийские апеллятивы *бошо/босого/бохого*, *бучекты*,

и селькупские диалектные ватьтигу, вачьчегу/вачьчюгу, воску/важгу, вэтты, вэсыгу имеют общее начало с тюркским орографическим термином *боочы*, обозначающий 'перевал' [17]. В бурятском языке, в хоринском диалекте нами в свое время было зафиксирован орографический термин *боори*, означающий 'склон горы' [18], что также подтверждает факт если не трансференции, то явления явно конвергентного характера, получившего языковую фиксацию в региональных географических терминах.

Термин *лыва* имеет не столь широкое распространение в местных говорах по сравнению со словом *тиникус*, однако записан нами в ряде районов (Борз., Олов., Нерч., Срет., Ал.-Зав., Газ.-Зав., Нерч.-Зав.) [19]. При этом семантическое значение забайкальского диалектного *лыва*, как, например, «огромная лужа посреди улицы» [20], изменилось в забайкальском говоре русского языка по сравнению с первичным значением ненецкого *лыва* 'неширокая глубокая речка (протекающая по низменной болотистой местности)' [10].

В языке-источнике – ненецком – семантически и лексически близкие к слову *лыва* являются апеллятивы *лымба(сь)* 'быть болотистым, вязким; зыбким (о почве); быть заболоченным, быть болотом'; *лымбад* 'болото; трясина'; *лымбаца* 'вязкое, болотистое место' [10]; а также *лымбад* 'болото', *лымбад* 'лавы 'заболоченный (о местности)', *лымбаца* 'вязкий (болотистый)' [11]. Заметим, что термин *лыва* отмечен преимущественно в северо-восточных районах Забайкалья, где местный рельеф отличается наличием низких, заболоченных мест с вязкой, зыбкой почвой [21]. Наряду с термином *лыва* в региональном говоре бытуют лексемы *зыбун*, *качке место* как производные от слов русского языка.

Еще одним регионализмом, имеющим, на наш взгляд, самодийское языковое начало, может считаться слово *лапта*, означающее «полянка; сухое местечко около реки» [22]. В «Словаре» Л. Е. Элиасова термин *лапта* приводится в значении «небольшое пастбищное угодье, окруженное тайгой или большими болотами» [5, с. 183]. В языковом отношении этот термин также можно сопоставить с ненецким апеллятивом *лабта*, *лабцёй* 'плоская низменность; плоский'; *лабта* 'степь'; *лабтая*, *лабта* 'равнина'. Не исключено, что эти ненецкие термины могут оказаться и видовыми от родового термина *лабадьяв* *лаңг* 'крутой (о спуске)'; *лабадьяв* *ся*; *лабахэй* *лаңг* 'обрыв'; *лабахэй* 'утес' [11]; *лабадэй* 'крутой, обрывистый (о берегу, о спуске)' [10].

В окрестностях г. Чита находится п. Лапочкина, название которой по своим физико-географическим реалиям сообразно с самодийским термином *лабта*. Эта падь, где расположен дачный кооператив, тянется вдоль восточного склона Яблонового

хребта и представляет собой довольно ровное, плоское место на склоне хребта. Географическое расположение пади под названием Лапочкина совпадает с заявленной этимологией топонима от ненецкого *лабта* 'равнина'. Однако в качестве регионального термина *лапта*, зафиксированное в свое время и в «Словаре» Л. Е. Элиасова, по семантике несколько отличается от изначального ненецкого апеллятива *лабта* 'равнина', сохраняя при этом понятие равнинной, плоской местности.

Следует заметить, что некоторые из вышеописанных географических терминов функционируют в качестве корневой основы топонимов, что подтверждает объективность их изучения в качестве местной географической терминологии, имеющей, как видно, самодийское языковое происхождение. Однако при использовании «Словаря» Л. Е. Элиасова для сравнительно-сопоставительного анализа с собранными в ходе полевых экспедиций местными географическими терминами обнаружилось, что некоторые зафиксированные им в свое время апеллятивы стали на сегодня архаизмами в связи со сменой хозяйственно-бытового уклада коренного населения. Так, слово *порса* встретилось в пересказе архивных материалов известных «Отписок» Петра Бекетова о его походе «в дауры», т. е. в Забайкалье 2-й половины XVII в.: «11 июня 1653 г. казаки Петра Бекетова поплыли из Прорвы вдоль восточного берега Байкала и к вечеру вошли в устье Селенги... через 8 дней они подошли к устью Хилка. Ждали на устье Хилка 6 дней [возвращения Ивана Максимова с оз. Иргень]. Этим временем люди отряда ловили рыбу, сушили ее, заготавливали *парсу* (сушеную рыбу) впрок, хотя Хилок оказался малорыбным, как говорили, *рыба есть, да номале*» [23, с. 34].

Как пишет С. И. Ольгович, слово *порса* «заимствовано из селькупского, в котором сохранился как архаизм (новообразование чагърбыл куал). В ненецком языке слово несколько изменило значение и имеет другой фонетический облик: *порца* – сушеная рыба, сваренная в рыбьем жире; *p:ortsа* в рыбьем жиру сваренная рыба» [24, с. 24]. Можно предполагать, что архаизм *порса*, встреченное В. Ф. Балабановым в письменных отписных документах 2-й половины XVII в. было заимствовано русскими от местного населения Прибайкалья и Забайкалья, некогда имевшее распространенность в речи.

Селькупское *н'ар* (*н'аррь'*) 'озеро' по фонетико-семантическому «облику» можно соотнести с бурятским *нуур* 'озеро', монгольским *нуур* 'озеро'. Переход самодийского гласного -а- в бурят-монгольское -уу- объяснимо, вероятно, языковыми моментами контактирования давнего по времени периода. Заметим, что в старописьменном монгольском языке лексема 'озеро' обозначалась словом

паууг [25, с. 50]. Эта лексема по времени своей фиксации отражает возможный период языковых контактов, языковым отражением которого стали термины самодийского *н'ар* (*н'аррь'*) и монгольского *нуур* 'озеро'.

Рельеф юго-восточных районов Забайкалья отличается наличием горько-соленых озерков, которые на хоринском диалекте бурятского языка называются *тоором* 'озерко; островок земли, покрытый солончаками'. Названия оз. *Ару-Торум* (Он.), МТФ *Тором* (Аг.), д. *Хара-Торум* (Он.), оз. *Тором* (Улет.), ур. *Ара-Тором* (Киж.), оз. *Тором* (Чит.) и т. д. распространены по низменным, отчасти степным, местам региона. Интересно, что термин *тоором* имеется только в диалекте восточных бурят, тогда как в монгольском языке нет подобного слова. Поэтому не исключено, что основа термина *тоором* представляет собой лексико-семантическую параллель с селькупским *то-/ту-* 'озеро'. Следует также заметить, что распространен термин *тоором* в качестве гидронимического апеллятива в составе топонимов не только в ареале с монголоязычным составом населения, что свидетельствует о «тунгусоязычности» онимов, имеющих в своем лексическом составе терминированное *тоором*. Полагаем, что лексико-семантическое совпадение бурятского *тоором* и селькупского *то-/тор-* объясняется, вероятно, явлением трансференции, обусловившим процесс перехода местного географического термина из одного языка в другой. Вполне возможно поэтому предположить, что именно самодийский термин *то-/тор-* 'озеро' и стал топонимической основой названий Барун-Торей и Зун-Торей. На территории, занятой этими двумя большими озерами Забайкалья в Ононском районе, создан уникальный биосферный заповедник «Даурский».

В региональной гидронимии присутствует множество названий, как-то *Турга*, *Турхул*, *Туринское*, *Тургутуй* и пр., в основе которых лежит, по-видимому, северно-самодийский термин *турку* 'озеро'. При сравнительно-сопоставительном анализе наблюдается общесамодийское «озерное» начало как ненецкого *турку*, селькупского *то/тор* и бурятского *тоором*.

В хоринском диалекте бурятского языка наблюдаются также явления, могущие возникнуть в результате диахронных ареально-контактных языковых процессов, когда при сборе местной географической терминологии обнаруживаются апеллятивы, имеющие языковое происхождение от таковых селькупского, например, языка. Так, нами в 2001 г. было записано слово *гыгээхэн* (*горхон*) [26] в Читинском районе. По-видимому, от этого термина и образовались гидронимы *Гычехэн*, *Убыр-Гыгээхэн*, *Ара-Гыгээхэн*, *Хурай Гыгээхэн* (пр. пр. р. Хилок). Эти названия воспринимаются и этимологизиру-

ются в устной речи местного бурятского населения как 'мелкая, маленькая речушка' (ср. с сельк. *к'ы'экке*), хотя в словаре бурятского языка отсутствует подобный термин. К тому же, как мы ранее писали, гидроним *Хилок* (бур. Хёлго) этимологизируется от селькупского апеллятива *қи/қы* 'река' + монг. аффикс -лга [27, с. 109–111]. Добавим, что в региональной гидронимии функционируют названия *Кия*, *Киюшка*, *Кыэкен*, *Кыкер*, а также *Хила*, *Хилкотой*, *Хилгосон*, в основе которых лежит самодийский «речной» термин *қи/қы* 'река', *қыэкен* 'речка, маленькая река, речушка' [28].

Сопоставление местной географической терминологии может служить иллюстрацией явления интерференции, когда лексико-семантическая основа терминов, обозначающих, например, сырое, низменное место с кочкарником, имеющая самодийское языковое происхождение, «вошла» органично в структуру тунгусо-маньчжурских терминов. Явление интерференции, таким образом, способно «высветить» не только языковую, но и историческую лагуну – прошлое народов отдельного региона, в том числе разрешение вопроса об их этнической и праязыковой принадлежности. Распространение географической терминологии в определенном ареале, поддержанное функционирующими топонимическими названиями, позволяет заявить о перспективности обследования языкового *ареала*.

Определение топонимических изоглосс самодийского субстрата территориально подтверждает фактические границы языковых ареалов. Довольно частотным оказалось распространение термина *калжэ-кальжэ* в Ононском районе, представляющем собой лесостепную зону со множеством озер и озерков, которые в зависимости от микроклимата имеют обыкновение пересыхать, чтобы в дождливые годы вновь наполниться водой. Топонимы разных классов (гидронимы, лимнонимы, ойконимы) типа *Халзан-Нор* и проч., претерпев явление дэтимологизации, приобрели вторичный смысл, семантически объясняемы средствами бурятского языка как «озера с плешинами», так как слово *халзан* в бурятском означает 'лысый, плешивый'.

По-видимому, принцип вторичной номинации субстратного топонима «позволил» вывести на первый план ассоциативный фон семантического потенциала дэтимологизированного онима. «Плешивое» место, в данном случае озеро, воспринимается как место, покрытое редкими кустиками травы, т. е. с кочками, или солончаками, которые действительно напоминают плешь.

То же явление интерференции, одним из механизмов которого является появление подобного рода народных этимологий, наблюдается и в гидронимической терминологии региона. Как мы писали ранее, сельк. *н'ар/н'аррь'* 'озеро' имеет лек-

сико-семантический аналог в бур. и монг. – *нуур* ‘озеро’. Топонимы разных классов, как-то *Норинск, Норты, Нарья, Нарин, Нурино* и пр., представляют собой явный самодийский субстрат. Однако некоторые из них обнаруживают в своем лексическом «облике» моменты семантического переосмысления, иллюстрирующие языковую омонимию. Например, топонимы *Нарин-Узкая, Нарин, Наринзор* «совпадают» семантически с бурятским атрибутивом *нарин* ‘узкий’. Поэтому и появляются кальки типа *Нарин-Узкая*, хотя семантика подобного рода названия никак не соотносится с таким объектом, как озеро.

Представленные (пока единичные) примеры трансференции и интерференции на микротопонимическом материале отдельного региона обнаруживают перспективность определения изосем (сходное семантическое развитие), изолекс и изофонов. Подобного рода изыскания в области ареальной лингвистики в качестве одного из возможных подходов сравнительно-исторического языкознания способны выявить как связанные¹, так и конвергентные² изоглоссы.

Представленные задачи и перспективы исследования субстратной топонимии в аспекте *ареальной* лингвистики (с учетом специфики ономастического материала, естественно) способствуют реконструкции более объективной и доказательной этноисторической информации. Исходя из факта наличия лексико-семантических параллелей терминов родства бурятского и селькупского языков уместно заявить о том, что лексические параллели ожидаемы и возможны в других классах лексики этих двух неродственных языков. Возникает необходимость более глубокого и тщательного изучения языков автохтонного населения региона, межкультурных и межъязыковых контактов, особенно в аспекте диахронном.

Выявление в первую очередь конвергентных изоглосс в лексическом фонде селькупского и бурятского языков, обусловленных фактом ареально-языкового союза, вовсе не исключает и версию о гипотетическом наличии связанных изоглосс.

Все эти факты языкового характера определяют перспективность изучения языковых данных в типологическом аспекте в целях выявления этноязыкового субстрата Восточного Забайкалья.

Традиционно основные ареалы распространения как алтайских, так и уральских языков представляют собой определенные территории, локализованные на огромном сибирском пространстве: восточная часть ареала занята алтайскими языками, западная часть – уральскими. Процесс диффе-

ренциации языковых семей на евроазиатском континенте, вероятно, совпал с дифференциацией исторически значимых племенных союзов, как, например, хунну, а позднее – древнетюркских каганатов. «Однако процессы дифференциации языков не были односторонними, а осложнялись также и процессами интеграции языков в связи с постоянным соединением и распадом племенных союзов – носителей языков, т. е. двусторонним процессом развития языков при господствующем процессе постоянной их дифференциации» [29, с. 53].

Полагаем, что материальное типологическое сходство терминов родства бурятского и селькупского языков, которые являются наиболее архаичной лексикой, а потому наименее проницаемой для воздействия неродственных языков, со всей очевидностью указывает и на возможные явления конвергенции в лексике этих языков. Конвергенция субстратного порядка в лексике бурятского и селькупского языков может быть объяснима давними общетунгусскими истоками происхождения бурят как отдельной национальности. Колонизация Забайкалья и Прибайкалья в конце XVII в. обусловила появление так называемого братского народа, или бурят. До XVII–XVIII вв. тунгусское население региона включало в свой этнический состав народы разной языковой принадлежности, в том числе, вероятно, и самодийцев (возможно, как некоторые южные, так и северные племена). Лексика западных и некоторой части восточных бурят, оказавшаяся на периферии бурятского литературного языка, сохранила, по-видимому, те элементы общетунгусской лексики, которые стали основой субстрата в терминологии родства бурятского и селькупского языков.

В данном аспекте лексико-семантическое сближение (а в некоторых случаях совпадение) лексики бурятского и селькупского языков объяснима, по-видимому, явлением не только контактной, но и субстратной конверсии. Территория Восточного Забайкалья, впрочем, как и Прибайкалья и Предбайкалья, являлась исконной территорией разных народов и племен Северной Азии, что дает нам основание предполагать о Циркумбайкальском диахронном языковом союзе. Былое существование этого ареально-языкового союза естественным образом подразумевает межъязыковое и межкультурное взаимодействие и взаимовлияние племен и родовых объединений, которое фиксируется в лексических фондах языков. Примечательно, что лингвисты-бурятоведы актуализируют проблемы ареальной лингвистики, решение которых способно пролить свет на вопросы исторического развития монгольских языков (см. [30, с. 5–10]).

¹ Изоглоссы, обнаруживающие единую генетическую общность.

² Изоглоссы, возникающие как результат длительных территориальных контактов языков, образующих ареальную общность.

Список литературы

1. Жамсаранова Р. Г. Типологический анализ бурятско-селькупской терминологии родства // Вестн. Томского гос. ун-та. 2009. № 32. С. 22–24.
2. Жамсаранова Р. Г. Явление конвергенции в лексике бурятского и селькупского языков // Мат-лы междунар. конф., посвящ. 70-летию проф. В. И. Рассадина / редкол.: С. М. Трофимова, отв. ред. и др. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2009. С. 87–89.
3. Полевые материалы автора: 2006 г. Информатор А. С. Вазаев, 1930 г. р.
4. Полевые материалы автора: 2009 г. Информатор М. И. Ушакова, 1973 г. р.
5. Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М.: Наука, 1980. 472 с.
6. Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1971. 251 с.
7. Полевые материалы автора: 2004–2009 гг.
8. Полевые материалы автора: 2005 г. Информатор В. К. Дружинин, 1939 г. р.
9. Полевые материалы автора: 2006 г. Информатор В. К. Филиппов, 1929 г. р.
10. Ненецко-русский словарь / сост. Н. М. Терещенко. М.: Сов. энцикл., 1965. 942 с.
11. Русско-ненецкий словарь / сост. А. П. Пырерка, Н. М. Терещенко. М.: ОГИЗ, 1948.
12. Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. В. В. Быконя. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с.
13. Полевые материалы: 2010 г. Информатор А. Г. Кутузова, 1928 г. р.
14. Бичурин Н. Я. Статистическое описание Китайской империи: в 2 ч. М.: Вост. Дом, 2002. Ч. 2. 464 с.
15. Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь (тунгус.-рус.). М., 1940. 208 с.
16. Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь: в 2 ч. Новосибирск, 2000. Ч. 1. 503 с.; Ч. 2. 484 с.
17. Молчанова О. Т. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. Саратов, 1982. 256 с.
18. Жамсаранова Р. Г., Шулунова Л. В. Топонимия Восточного Забайкалья. Чита: РИК ЗабГГПУ, 2003. 123 с.
19. Полевые материалы: 2006–2007 гг.
20. Полевые материалы: 2006 г. Борзинский район. Информатор Н. М. Якимов, 1921 г. р.
21. Полевые материалы: 2009 г. Информатор А. Н. Ярославцев, 1938 г. р.
22. Полевые материалы: 2004 г. Сретенский район. Информатор А. К. Никифоров, 1938 г. р.
23. Балабанов В. Ф. История Земли Даурской. Чита: ООО Изд-во газ. «Эффект», 2003. 400 с.
24. Ольгович С. И. Этимологические заметки по диалектной лексике // Ученые записки. Т. XXII. Лингвистические науки. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1965. С. 18–27.
25. Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.
26. Полевые материалы автора: 2001 г. Информатор В. Жамбалова, 1930 г. р.
27. Жамсаранова Р. Г. Топонимическая картина Восточного Забайкалья. Гл. 3 // Д. Б. Сундуева и др. Языковая картина Восточного Забайкалья. Чита: ЧитГУ, 2007. С. 82–118.
28. Жамсаранова Р. Г. Топонимия самодийского языкового происхождения // Малая энциклопедия Забайкалья: Культура: в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2009. Ч. 2: М–Я. С. 280–281.
29. Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение. М.: Наука, 1981. 135 с.
30. Бураев И. Д. Контактное взаимодействие языков в Байкальском регионе и образование бурятского языка // История развития монгольских языков: сб. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. С. 5–11

Принятые сокращения

Аг. – Агинский район, Ал.-Зав. – Александрово-Заводский район, Борз. – Борзинский район, Газ.-Зав. – Газимуро-Заводский район, Кижингин. – Киж. район, Нерч.-Зав. – Нерчинско-Заводский район, Нерч. – Нерчинский район, Олов. – Оловянинский район, Он. – Ононский район, Срет. – Сретенский район, Улет. – Улетовский район, Чит. – Читинский район, МТФ – молочно-товарная ферма, ПМА – полевые материалы автора, р-он – район, оз. – озеро, р. – река, руч. – ручей, л. пр. р. – левый приток реки, пр. пр. р. – правый приток реки, п. – падь, ур. – урочище.

Список сокращений языков, диалектов и говоров

Бур. – бурятский язык; кет. д. – кетский диалект селькупского языка; манчж. – маньчжурский язык; сельк. – селькупский язык.

Жамсаранова Р. Г., кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник.

Читинский государственный университет.

Ул. Александрo-Заводская, 30, г. Чита, Забайкальский край, Россия, 672039.

E-mail: rebeca_zab@mail.ru

Материал поступил в редакцию 12.10.2010.

R. G. Zhamsaranova

**THE LINGUISTIC PHENOMENA OF CONVERGENCE AND TRANSFERENCE IN THE WORD STOCK
OF BURYAT AND SELKUP LANGUAGES**

In the article the examples of lexical and semantic parallels of different classes of the lexical funds of Buryat and Selkup languages are presented in the aspect of comparative linguistics. These examples represent the linguistic phenomena of convergence and transference which reveal the diachronic area-linguistic unity of the past on a certain territory.

Key words: *lexical and semantic parallels, typology, transference, convergence, area-linguistic unity, isoglosses.*

Chita State University.

Ul. Aleksandro-Zavodskaya, 30, Chita, Zabaykalskiy territory, Russia, 672039.

E-mail: rebeca_zab@mail.ru